

Каждая жизнь интересна, если не в отношении к личности, то к эпохе, к стране, в которой она живёт.

А.И. Герцен

Детство

Китеж в русских легендах — город, чудесно спасшийся от нашествия Батыя в XIII веке. «И сей град Большой Китеж невидим стал и оберегаем рукой Божьей опустился на дно озера Светлояр. Иногда со дна озера слышится колокольный звон». Так и в душе каждого человека живёт свой Китеж. В трудную минуту жизни, когда на меня нападает тоска и всё вокруг кажется беспросветным, душа моя, как за живой водой, летит в детство. И оно сияет мне издалека таким ярким светом любви и счастья, что война и все горести отступают. Детство возвращается ко мне улыбкой матери, синим небом, запахом цветов и трав, шумом моря, лёгкостью и радостью бытия. Я где-то читала, что жизнь человека измеряется не годами, что он прожил, а днями, которые он запомнил. Ничего не придумывая, постараюсь записать всё, что сохранила память.

Мама мне рассказывала, что за год до моего рождения у неё были трудные роды. Родился мальчик, но оказалось не судьба. И поэтому моё рождение очень ждали. Это произошло в сильную метель в 06.00 утра 30 ноября 1936 года в городе Днепропетровске на Украине. Назвали меня Светланой. Не знаю, крестили меня или нет. Тогда это было запрещено. Я покрестилась во взрослом возрасте в посёлке Вырица под Ленинградом в Казанском храме. Крестил меня о. Алексий.

С мамой.

Первое, что я помню, высокий дом, посреди двора клумба с цветами... Я и мой трёхколёсный велосипед. Меня зовут обещать, мне 3 года. Это было здание прокуратуры, где моя мама работала секретарём-машинисткой, а вечером училась на 3-м курсе юридического факультета. Мы жили во дворе служебного здания. К этому времени, 19 августа 1939 года, в нашей семье родилась моя сестра, назвали её Тамилла. С нами жила моя любимая бабушка Дина, мамина мама. Помню поезд. Мы едем с папой. Он тогда учился в Художественном институте. Перед войной его отправили на военные курсы в город Аккерман (ныне Белгород-Днестровский). Помню сад в центре города, а в нём фонтан. В фонтане плавали 3 золотые рыбки и их охраняли два гномика. Помню доктора, к которому меня водили, т. к. я часто простужалась. Каждый раз он меня спрашивал: «Почему мы не моем глазки, и они такие чёрные»? Помню, что в доме не ладилось, и папа ушёл от нас. Но я тогда совсем не переживала. Со мной была моя мамочка, сестрёнка и бабушка, и мы любили друг друга.

А потом началась война! Я часто думаю о своей несчастной матери, как она одна выбиралась буквально из ада. Отца в 24 часа забрали на фронт. Сестре полтора года, у неё туберкулёз костей, и она лежит в больнице. Мне четыре с половиной года. Бабушка калека. Из-за глаукомы и плохого лечения потеряла глаз. Перед войной неудачно упала, повредив позвоночник. Мы остались без ко-

пейки денег в чужом городе. Если бы не мамин брат — дядя Володя, мы бы погибли. Он прислал деньги на билеты, и мы смогли уехать.

Что такое война, я не очень понимала, но навсегда запомнила, как мы бежали к пристани. Было очень страшно, т. к. в небе летали самолёты. Румыния тогда воевала на стороне Германии, а в городе проживало много румын. От пристани уплывал последний катер в город Овидиополь², а оттуда шёл поезд.

Пристань... горит баржа, всё в дыму, гудят самолёты, кричат люди... Наконец, мы на катере. Рядом со мной девочка, такая же, как я. Её мама вернулась на пристань за чемоданом. В этот момент убирают трап, и катер отплывает. Девочка кричит. Кричит на берегу её мама, но мы уплываем. В Овидиополе все садятся в поезд. Он почти пустой, т. к. эвакуировали военных и их семьи. Мы в поезде. Я смотрю в окно и думаю о девочке, найдёт её мама или нет? Очень солнечный день. За окном мелькают поля с пшеницей. Она переливается на солнце и кажется золотой. По обочине дороги много красивых цветов. Я засыпаю. Будят меня в Днепропетровске.

Мы остановились у бабушки Мани. Бабушка Маня, Липа и Шура — родные сёстры. Бабушка Шура — мама моего папы, моя родная бабушка. У бабушки Мани во дворе роют ямы. Мама сказала, что это закапывают вещи, чтобы немцы их не нашли, если войдут в город. Выехать из города невозможно. Мамин брат — дядя Володя, работал инженером на заводе. Завод эвакуировали в город Саратов. Он нам достал билеты, как близким родственникам — 70-летняя мать и сестра с двумя маленькими детьми.

Помню день отъезда. Дядя Володя уже уехал. Мы на вокзале. У нас билеты, но сесть в вагон мы не можем, т. к. толпа заблокировала двери. На крышах вагонов сидят люди. Военный патруль распорядился, чтобы проводник открыл окно, и через окно нас передавали в вагон. Ехали мы очень долго. По дороге нас бомбили. Загорелось несколько вагонов. Поезд остановился. Все бежали к какому-то рву, чтобы спрятаться. Над нами летал немецкий самолёт и расстреливал с воздуха. Я порезала ногу, течёт кровь, но боли я не чувствую, а только страх, жуткий страх... Мы прыгаем в глубокий ров, но нет нашей бабушки.

Самолёт улетел... Все стали возвращаться в поезд. Горящие вагоны отцепили и стали тушить. Было много раненых. Привели нашу бабушку. Наконец, мы поехали. По дороге на остановках мама перелезала под вагонами, чтобы сократить дорогу к вокзалу. На вокзале

² Овидиополь — город в Одесской области.

набирали воду, покупали продукты. И опять такой же путь к своему вагону. А мы умирали от страха, что она не успеет сесть в поезд.

В Саратове мы оставили на вокзале бабушку с сестрой и с чемоданами, а сами поехали к дяде Володе. Он нам сказал, что в городе много приезжих и чтобы мы ехали в город Энгельс на другой берег Волги. Когда мы вернулись на вокзал, мы не нашли бабушку и сестру. Мы их долго искали, а они оказались в комнате «Матери и ребёнка» в жутком состоянии. Бабушка от рыданий не может вымолвить ни слова. Сестра опухла от слёз. Какая-то женщина, увидев, что мы уехали, решила завладеть нашими чемоданами. Немного выждав, она подошла к бабушке и сказала, что её дочку задел трамвай, и она может помочь ей дойти до больницы, куда её увезли. Господи, бедная моя бабушка, тащила с сестрой на руках. По дороге стало плохо, эта женщина посадила её на чемодан, а с другим скрылась. Добрые люди помогли бабушке добраться до вокзала и устроили её в комнату «Матери и ребёнка», где мы их и нашли.

На следующий день утром мы отправились в Энгельс. Устроились на эвакуационном пункте. Сколько мы там пробыли, я не помню. Там было много народу, таких же, как мы эвакуированных. А вот что я запомнила на всю жизнь. Одна женщина сдала кровь и за это получила кусок белого хлеба с маслом и сахаром и протянула его мне. Она была из Ленинграда. У неё вся семья погибла от голода во время блокады. Потом они с мамой дружили, и она часто приходила к нам домой.

Помню лётчика, его звали Сергей. Он был молодой и очень красивый. Вся его семья (жена и двое детей) погибли при бомбёжке. Он помог нам устроиться с жильём. Мы получили две комнаты в доме, где жила ещё одна семья. Я очень хорошо помню расположение комнат. Вход в большую комнату со столом посередине, а из неё в маленькую комнату, где стояли три железные кровати. Одна для бабушки, другая для меня и для мамы с сестрёнкой.

Чтобы зарегистрироваться и получить направление в детский сад и ясли, надо было ждать в огромной очереди несколько дней. Мама заболела. Мы голодали. И тогда она написала записку, описав наше положение, и отправила меня с ней к начальнику. Пройдя мимо очереди, я открыла дверь и вошла в его кабинет. На меня никто не обратил внимание. Нас зарегистрировали, прописали, и мы получили места в садик и ясли на пятидневку. Забирали нас с субботы на воскресенье.

В садике кормили плохо. Я всё время хотела есть и думала о хлебе. Когда нас водили гулять, мы грызли жёлуди и ели паштёт.

Это сорняк, но у него вкусные чёрные ягодки. Я очень скучала по маме. Всё время сидела на подоконнике и смотрела в окно. Мама работала в госпитале и в свободное время старалась вырваться к нам. Она знала время нашей прогулки. Воспитатели нас отпускали. Мы сидели с ней на лавочке на кладбище, оно находилось рядом с нашим садиком. Однажды я принесла маме кусочек хлеба. Я свою порцию поделила пополам. Я так её ждала, но она не пришла. Я завернула этот кусочек хлеба в бумажку и спрятала в наш тайничок за лавочкой. Но какая-то собака нашла его и съела.

Мы жили недалеко от Волги. Рядом был храм. В этом храме я молилась своими детскими молитвами. «Боженька, спаси нас, мамочку, сестрёнку, бабушку и меня. Боженька, сделай так, чтобы поскорее кончилась война и мы уехали домой». Вдоль берега вдалеке стояли цыганские шатры и кибитки. Мне строго-настрого запрещалось туда ходить. Цыган было много в городе. Они так же, как и мы, спасались от войны.

Помню хлебный магазин. У дверей стояли нищие, а рядом сидела собака и всё время поднимала лапу и тоже просила хлеба. Она была похожа на ту, что у нас на фотографии из маминого детства. Я спросила женщину: «Это ваша собака?».

— Нет, — ответила она. — Хозяин её ушёл на фронт, а она тоскует. Вот и приходит сюда не только за кусочком хлеба, хотя она очень голодна. Она идёт к людям за лаской и сидит тут до вечера. Ей, как и человеку, надо, чтобы её любили.

Собака чувствовала, что говорят о ней, и смотрела то на меня, то на женщину и виляла хвостом. Я побежала домой и отломил кусочек макухи. Мы получали её по талонам. Это жмых от переработки семечек на масло. Между шелухой остаётся часть зёрнышек. Я ей отламывала по кусочку, и она мне лизала лицо и руки. Я назвала её Нера в память о нашей собаке. Она пережила зиму, а весной исчезла. Я всё время её ждала. Мама говорила, что её, наверное, кто-то приютил, и теперь она живёт в доме, где ей тепло и хорошо. Я старалась верить, но на душе было очень грустно. Забыть я её не смогла, хотя прошли годы.

В Саратове у нас украли чемодан с вещами, а другой остался. В нём были семейные фотографии, дорогие памятные письма и альбом с песнями. Мама прекрасно пела и играла на гитаре. Несколько книжек для нас: повесть Л. Чарской «Княжна Джаваха» в красном переплёте с красивыми картинками и книжка «Ёлочка». Всё про Новый Год со стихами и рассказами. Мама радовалась и говорила: «Как хорошо, что у нас сохранился именно этот чемо-

дан. Вещи можно купить, а это память. Это надо хранить». И она нам рассказывала о своём детстве и брате Мише.

«Миша заканчивал гимназию. Однажды, прямо с уроков, детей забрали на фронт. Времени не было даже проститься с родными. Конечно, у каждого был выбор. Миша свой выбор сделал. Весть о том, что детей забрали на фронт, быстро распространилась, и родители побежали за город к реке, к лесу, чтобы их догнать. Впереди они увидели облако пыли. Это мчались верблюды, которые находились на ферме. Они испугались выстрелов и жутко кричали. Кто-то сказал, что это плохая примета, когда кричат верблюды. Наши дети не вернуться. Так погиб мой брат. Было ему тогда 16 лет».

Много лет спустя я прочла книгу А.В. Туркула «Дроздовцы в огне». В главе «Баклашки» автор пишет: «Мальчишки-добровольцы, о ком я пытаюсь рассказать, может быть, самое нежное, прекрасное и горестное, что есть в образе Белой армии. Подростки, дети русской интеллигенции, поголовно всюду отзывались на наш призыв. Я помню, как, например, в Мариуполе к нам в строй пришли почти полностью все старшие классы местных гимназий и училищ... Я вспоминаю, как наш полк подходил боевым строем к селу Торговому. С хутора, что правее железной дороги, загрела стрельба. Внезапно навстречу поднялось огромное облако пыли. Это от стрельбы и огня бежали из хутора верблюды... Три взвода в моей роте были офицеры, а четвёртый — мальчишеский. Мы их прозвали “Баклашками”. Под бешеным огнём мы переправились через реку. Мокрые, сипло дыша, выбрались на берег, и надо было видеть, как наши мальчуганы, только что наглотавшись воды, с удалым “ура” кинулись в атаку на красные цепи, залёгшие у берега, и на дома, откуда дробно стучали пулемёты. Никого не было жаль так, как их, и было стыдно за всех взрослых, что такие мальчуганы обречены с нами на кровопролития и страдания. “Кромешная Россия бросила в огонь и детей”». В этом рассказе автор упоминает встречу с верблюдами. Я думаю, что это те самые верблюды, о которых рассказывала мама.

Я не знаю, был тот бой для Миши последним или были ещё и другие дни... Я помню, как горевала и всегда молилась о нём бабушка. И как хорошо, что тогда сохранился чемодан, где были семейные письма и фотографии. Это память от Миши, чтобы мы его помнили. А тогда, после маминого рассказа, я с такой нежностью рассматривала старые фотографии.

Вот они все трое — Миша, Шура и Володя, а у ног лежит любимая собака Нера. А здесь Миша сидит в красивом кресле в бе-

Миша.

Миша, Шура и Володя.

лой кружевной рубашечке. Ему два года. Он совсем маленький. И я гладила фотографию и прижимала её к себе, как бы желая защитить Мишу.

Конечно, мама понимала, что нам ещё рано обо всём знать, но шла война. У неё было большое сердце, и всё могло случиться. И вечерами она стала рассказывать нам об истории нашей семьи, о наших предках, надеясь, что в детской памяти что-то сохранится.

13 июня 1942 года умерла наша бабушка Дина. Ей было 72 года. Когда я уходила в садик на пятидневку, она мне сказала: «Светик, когда ты вернёшься из садика, меня уже не будет». Я так ясно помню этот момент, её лицо и слышу её голос. Все дни в садике я думала о ней. Когда за мной пришла мама, она сказала: «Нашей бабушки больше нет». Она рассказала, что её забрали в больницу, и там она умерла от голодной дизентерии. Дядя Володя не смог приехать на похороны. Он

работал в Саратове на военном заводе, и его не отпустили. Он прислал деньги. Хоронили тогда по несколько человек в одной могиле. Но мама хотела, чтобы у бабушки была своя могила. Она подменилась на работе на два дня и эти два дня с утра и до позднего вечера сама рыла могилу. А потом всю жизнь переживала, что могила была неглубокая. 16 июня 1942 года мы повезли нашу бабушку на кладбище. Возница помог маме опустить гроб в землю. Не стало нашей любимой бабушки. Никогда она мне уже не скажет: «Ты наше солнышко, ты наш Светик».

После её смерти мама забрала нас с пятидневки, т. к. не могла одна оставаться в квартире. Утром она отводила нас в садик, а вечером забирала. Если она задерживалась на работе, то я сама забирала сестру, и мы шли домой. Ей уже 3 года, но она всё время просится на руки, а мне тяжело её нести. Я понесу немного

и не могу, стою и плачу. Люди подходят и спрашивают, что случилось. Я им объясняю, что она не может долго идти, а мне тяжело её нести. И всегда нам помогали и доставляли нас домой в целости и сохранности.

Мы очень скучали по бабушке. Ведь она была с нами со дня нашего рождения и до конца своей жизни. Мы засыпали под её сказки, под её песенки. Одна из них сохранилась в моей памяти, и я её записала так, как пела бабушка.

*«Вечер был, сверкали звёзды, / На дворе мороз трещал:
Шёл по улице малютка, / Посинел и весь дрожал.*

*«Боже! — говорит малютка — / Я озяб и есть хочу.
Кто согреет и накормит, / Боже, добрый, сироту?»
Той дорожкой шла старушка / Услыхала сироту,
Приютила, напоила / И поесть дала ему.*

*Спать в постельку положила. / «Как тепло!» — промолвил он.
Закрыв глазки, улыбнулся / И заснул спокойным сном.
Бог и птичку в поле кормит, / И цветок кропит росой,
Бесприютного малютку / Не оставит также Бог!*

Эта простая, незатейливая песенка о милосердии, одной из главных человеческих ценностей. Она уничтожает страх в душе ребёнка, дарит ему любовь и учит его добру.

Теперь нас укладывала спать мама. Она тоже очень скучала по бабушке. Ей хотелось, чтобы мы её не забывали, и вечерами она стала рассказывать нам о бабушкиной жизни, о наших родных, о своём детстве. Чтобы не утомлять нас и было интересно, мама рассказывала так, как рассказывают сказки. История о нашей семье превратилась в святочные рассказы, которые легко воспринимались и оставались в памяти. Мы всегда с нетерпением и интересом ждали продолжения.

«Моя мама, ваша бабушка родилась в г. Мариуполе в греческой семье. Её родители — мои дедушка и бабушка, а ваши прадедушка и прабабушка Михаил Николаевич Чебаненко и Пенелопа Ивановна Янаки — были людьми образованными и уважаемыми в городе. Дедушка окончил Высшее Заведение по садоводству и растениеводству. Имел в Мариуполе большой каменный дом и роскошный сад в 2 гектара. В конце сада была калитка в Городской сад. Мы туда ходили бесплатно, т. к. место под Городским садом было тоже дедушкино. С 09.00 до 12.00 играл духовой оркестр, и были разные игры для детей. Вечером было гуляние для взрослых.

Михаил Николаевич Чебаненко и Пенелопа Ивановна Янаки.

Дедушка любил свой сад и отдавал ему всё своё время. Из Греции он привозил саженцы миндаля, инжира и прочих экзотических растений. Выращивал редкие сорта фруктов, колеровал, скрещивал, словом, творил чудеса. Все знатные гости, которые приезжали в город, всегда посещали его сад. Он был настоящий волшебник. С деревьями он разговаривал и верил, что они его слышат и понимают.

Из Греции он привёз и свою будущую жену Пенелопу. Научил её русскому языку, и она родила ему семеро детей. Она была младше дедушки, добрая, приветливая и очень дедушку любила. Его все любили. Он, действительно, был замечательный: высокий, красивый с большой белой бородой и всегда бодрый. Не пил, не курил и весь год купался в море. Он 30 лет был старостой в Греческом храме. Моя сестра Шура писала в письмах, вспоминая прошлое, что когда у папы 15 июня заканчивались экзамены, вся семья уезжала на лето к дедушке и бабушке. Дедушку они обожали и с нетерпением ждали его возвращения из храма, т. к. он всегда приносил гостинцы — медовые пряники и маковки.

Ещё Шура вспоминала, что у бабушки Пенелопы на туалетном столике стояли французские духи, и Шура ими душилась. Бабушка Пенелопа только улыбалась, но никогда её не пожурила.

Бабушка умерла скоропостижно в 1916 году. Мне тогда было 3 года. Дедушка ещё прожил 2 года при советской власти и умер в 86 лет в 1918 году. Кто-то оставил ящик на дороге, о который он споткнулся и повредил ногу. Он умер от заражения крови».

Я спросила маму: «Что значит троюродные? Это родные?»

«Конечно, это родители вашей бабушки, она — моя мама, а вы — мои дети. Конечно, родные, самые родные, запомните».

Я долго не могла заснуть и всё думала, что у нас были такие чудесные прадедушка Михаил и прабабушка Пенелопа и был такой прекрасный сад... Они бы полюбили нас, а я их уже любила и всё представляла, как бы мы встретились, пока не уснула.

По субботам мы ходили в баню. Это было огромное помещение, где было много людей. Все молча мылись, а наверху на трубах сидели крысы, прижавшись друг к другу. Видно, трубы были не очень горячие, и они грелись. И никто на них не обращал внимания. Маме часто было плохо с сердцем, и она выходила в предбанник подышать.

Помню, как-то зимой, в сильную метель, мама везла нас, закутанных, из бани на санках, и мы чуть не погибли под колёсами машины. Водитель очень кричал на маму, а она только плакала. Она и сама испугалась за нас. И дома, когда мы вернулись, всё не могла успокоиться и плакала.

Однажды утром мама вскочила, стала нас будить и быстро одевать. Часов у нас не было. Она решила, что мы проспали, и она опоздает на работу. Мы выскочили на улицу. Темно, никого нет. Мы бежим, как угорелые. Сестра у неё на руках. Я еле успеваю за ними. Помню, мама задыхается, плачет и всё время говорит: «Что теперь будет? Что теперь будет? Меня посадят, а вас заберут в детский дом». Сестра испугалась и орёт во всё горло. Слава Богу, кто-то шёл мимо, и мама спросила, который час. Было 6 часов утра. Ей на работу к 8 часам и нам в садик — тоже к 8.

Потом уже, став взрослой, много лет спустя, посмотрев кинофильм А. Тарковского «Зеркало», я увидела то, что когда-то пережила в детстве...

Напротив нашего дома, через дорогу, стоял дом с садом. Там на качелях качалась девочка. Я ей завидовала, что у неё есть качели, а у меня нет. Несколько дней я её не видела, а потом услышала, как взрослые говорили, что у неё умерла мама, и их с братом забрали в детский дом. Мне её было очень жаль... Я всё время боялась за свою маму и ночью не могла уснуть. И она снова рассказывала нам о бабушке...

«Семья моей мамы, вашей бабушки, была большая и дружная. У неё была одна сестра и 5 братьев.

Старшей была сестра Аннета — моя крёстная. Она была учительницей, преподавала в Мариинской гимназии. Когда умерла от испанки её подруга с мужем, она забрала их детей — 12-летнюю

Ольгу и 9-летнего Ваню. После революции переехала в Москву и преподавала в гимназии. Ольга окончила медицинский институт и стала профессором медицины, вышла замуж за известного профессора Челпанова. Ваня стал инженером.

Уезжая в 1916 году в Москву, тётя Аннета подарила мне бекеровский рояль. Его перевезли в Новомосковск, где мы тогда жили, и я на нём училась играть. В голодные годы его продали.

Вторым был Николай. Он работал много лет до революции и после, уже при советской власти, директором Ростово-Донецкой железной дороги. Он часто гостил у нас в Новомосковске. Однажды он познакомил меня с театром В. Дурова. Мне тогда было 13 лет. Я до сих пор помню знаменитый “Поезд”, на котором ехали дрессированные звери. Он был очень весёлым и добрым человеком.

Третий — Пантелей. Дедушка выделил ему часть земли в саду, и он там выращивал цветы неопишуемой красоты, от огромных роз до крошечных. У них были твёрдые, как камень, листочки, и они не вяли по несколько дней, их использовали как украшение на свадьбах и балах. Он, как и дедушка, был влюблён в своё дело, и это стало его жизнью. При советской власти в его доме была открыта цветочная галерея, а он был назначен директором.

Четвёртый — Иван — мой крёстный. Он жил в Бердянске, был агрономом по виноделию и директором садоводческо-пчеловодческой семинарии. В его доме произошла встреча моих родителей. Я о нём ещё расскажу.

Пятый — Константин — родился в 1872 году. Он был врачом. Умер от тифа в 1920 году. В Ростове у него осталось трое детей, Людмила 1900 г. р., Елена 1902 года и сын Виктор, который “по уши” был влюблён в мою сестру Шуру.

Шестой родилась моя мама, Деспина, ваша бабушка Дина. По окончании гимназии она была помолвлена, но перед свадьбой её жених внезапно умер, и мама решила хранить ему верность. Она окончила педагогические курсы и преподавала в гимназии французский и греческий языки. В неё влюбился граф Де Мартини. У него был дом на той же улице, где жила мама. Он был старше мамы на 10 лет. Был образован, умён, высокий, красивый, к тому же очень богат. В Италии у него был дом и вилла. О лучшей партии для своей дочери родители не могли и мечтать. Но мама его не любила, а он терпеливо ждал...

Седьмым был Антон — военный офицер. Он трагически погиб под колёсами машины».

Мама раскрывала перед нами удивительный мир ушедшего времени. Издалека к нам возвращалось что-то важное, что мы должны были знать и помнить. У нас была когда-то большая семья, и люди в ней были замечательные, и это были наши родные.

Я уже большая и сама хожу получать обеды. Однажды в очереди в столовой я почувствовала, что кто-то трогает мой карман. Когда я в него опустила руку, карточек уже не было. По дороге домой я плакала. Когда мама открыла дверь, она почему-то всё поняла. Она взяла из моих рук пустой бидон, помогла мне раздеться, обняла меня и сказала: «Сейчас будем обедать. Иди, вымой руки». Горела наша буржуйка. На ней что-то варилось. В доме было тепло. Ко мне подошла сестрёнка и тоже меня обняла...

Однажды над Энгельсом появился немецкий самолёт. Его сбили, и он упал на другом берегу Волги и загорелся. Волга в это время обмелела, и все бросились на другой берег. В том месте, где мы жили, река была очень узкая. Я гуляла, и мне очень хотелось попасть на другой берег и посмотреть на самолёт. Я решила, что смогу перейти Волгу. Сначала было мелко, потом по горло, а потом я вообще скрылась под водой и стала тонуть. Вдруг меня кто-то схватил за волосы и вытащил на берег. Это был молодой солдатик. Ему пришлось со мной повозиться, т. к. я изрядно наглоталась воды.

— Что же ты делаешь, малявка?..

От страха я заплакала. Он погладил меня по голове и спросил, как меня зовут. Взял с меня слово, что я больше не полезу в воду, а сам поплыл на другой берег. Я тогда ещё не знала, что у каждого человека есть свой ангел-хранитель.

Мы каждый день с нетерпением ждали маминых рассказов, но она часто приходила поздно, когда мы уже спали, или была такая уставшая, что еле доходила до кровати и, не раздеваясь, засыпала. Мы старались её не будить. И тогда я сама укладывала сестрёнку и пела ей песенки. В один из вечеров мама сдвинула две кровати рядом. Она легла посередине, а мы по бокам. В доме было холодно, так как не было дров. И она стала рассказывать нам о дедушке Николае.

«Мой папа, ваш дедушка Николай Васильевич Удовенко, родился в 1860 году в г. Курске. Его отец был инспектором народных училищ. Мать его умерла, когда ему было всего 3 месяца. Вырастила его бабушка Александра. В память о ней папа называл свою старшую дочь, мою сестру, Александрой. У папы было два брата и сестра Варвара. Старший брат Владимир был генералом

и служил в городе Радоме. Он был крёстным моего брата Володи. Средний брат Александр был инженером. Он построил первый Днепровский мост в пять вёрст. Жил в Нижне-Днепровске и служил на заводе инженером. Сестра Варвара жила с мужем в Киеве. Детей ни у кого не было. Папа закончил классическую гимназию и поступил в г. Нежине в Лицей им. кн. Безбородко на медицинский факультет. После 2-го курса он перевёлся на историко-географическое отделение. Институт перевели в Феодосию. В книге об истории института и его выпускниках первая фамилия золотыми буквами: «Удовенко Николай Васильевич, окончивший с полным отличием и правом преподавания в Высших и Средних учебных заведениях историю и географию».

Папа знал европейские языки: английский, французский, немецкий. После окончания института он ездил в экспедиции, работал на севере и выучил языки народностей севера. Хорошо знал сербо-хорватский и македонский. Он был увлечён историей, мечтал о путешествиях, собрал большую библиотеку. Один из его товарищей пригласил папу на лето к себе в гости отдохнуть на море в г. Бердянск. Там папа познакомился с весёлым греком Иваном Михайловичем Чебаненко, и они подружились. К нему приехала его сестра Деспина из Мариуполя. Папа влюбился в неё с первого взгляда и сделал ей предложение. Мама тоже влюбилась в папу, но без благословения родителей, она не могла ничего решать. И тогда брат Иван, мама и папа поехали в Мариуполь, и после долгих уговоров родители дали согласие на брак. Волновало их то, что папа был беден. Свадьбу сыграли в Мариуполе, куда съехалась вся мамина родня. После свадьбы папа получил направление в г. Преслав, преподавать историю и географию в семинарии. Через год у них родилась Шура, а через два года Миша. Прожили они там 5 лет. В 1904 году семья переехала в Новомосковск. Шуре было 4 года, Мише 2 года, и через год родился Володя. А я родилась в 1913 году самой последней. Папу назначили директором учительской колонии и преподавателем истории и географии. Также он преподавал в женской гимназии, где потом будет учиться Шура. Так что преподавал в двух учебных заведениях до конца своих дней».

После рассказа мамы меня переполняло чувство восторга и гордости, что у нас такой замечательный дедушка, и он наш самый, самый родной. В этот вечер мы долго с ней разговаривали. Сестра, как всегда, уже спала, а на следующий день я ей всё пере-

сказывала, и мама радовалась, что у меня вызывают её рассказы такой интерес.

Когда я была одна дома, к нам пришли цыгане с маленькими детьми на руках и стали просить еду. Я им отдала все скудные крохи нашего запаса. Вернувшись с работы, мама узнала, что я натворила, она меня всё время трясла и всё повторяла: «Что ты наделала, что ты наделала?».

— Мамочка, у них же были на руках маленькие дети.

— А вы кто у меня? Скажи мне, кто вы?..

Она не отпускала меня и всё трясла и трясла. Я еле вырвалась и убежала во двор. Я хотела умереть. Но вышла мама и забрала меня в дом. Она плакала, и теперь я её успокаивала.

1943 год. Утром в коридоре я увидела на полу письмо и отнесла его маме. Мама вскрыла конверт, стала читать и улыбаться.

— Девочки, это письмо от папы.

Я тогда подумала про себя, чего она так радуется, он нас бросил, а она радуется.

Взрослые почему-то думают, что дети ничего не понимают. У ребёнка очень эмоциональная память, и она сохраняется на всю жизнь. С этого времени мы стали получать деньги и письма. Он писал нам всем отдельно тёплые письма и присылал фотографии. Но сердечко моё молчало, наверное, потому, что я его совсем забыла. А наша жизнь была заполнена рассказами мамы. Старые фотографии оживали, и с них на нас смотрели наши далёкие предки, и они останутся в нашей памяти навсегда. Мама хотела, чтобы мы знали историю своего рода, свои корни, и она продолжала нам рассказывать...

«С самого детства помню, что я просыпалась и засыпала под звуки музыки. Володя брал уроки игры на виолончели и уже хорошо играл. Впоследствии он будет зарабатывать деньги, играя в кинотеатре перед началом фильма. Вечерами собирались у нас семьи учителей. Читали стихи, спорили о литературе, пели песни. В конце недели мы с друзьями выезжали в лес на охоту. Занятия заканчивались в пятницу в середине дня. Ехали на большой казённой коляске, запряжённой двумя лошадками. С собой брали гамаки, палатку, большой ковёр, самовар, треножник и два каза-на. Один для плова, другой для ухи и, конечно, гитару.

Располагались в тени деревьев на поляне недалеко от дороги. Мужчины уходили в лес на охоту, братья ловили рыбу. Шура с этюдником уходила в лес рисовать. А мама с другими женщина-

ми готовила еду. У папы уже были две собаки, английский сеттер Нера и пойнтер Милорд. Возвращались мужчины, обвешанные дичью. Уже был готов плов, уха, кипел самовар. После трапезы папа брал гитару, и все весело пели у костра. Спали в гамаках под звёздным небом. Счастливые и отдохнувшие, возвращались поздно вечером в воскресенье и с нетерпением ждали следующей недели. Поездки наши заканчивались в конце сентября, а папа с завучем школы продолжали охотиться. Отец привозил столько дичи, что мы были обеспечены на всю зиму. Мама жарила дичь в русской печи, складывала в банки и заливала жиром. Погреб ломился от всякой снеди — ягоды, грибы, бочки с огурцами, капустой, мочёными яблоками и арбузами. Всего и не перечислить...

А так как папа два года проучился на медицинском факультете, то, конечно, собирали травы для чая и лечения. Отец часто говорил: “Мать-земля кормит, мать-земля учит, мать-земля лечит”. Её надо любить и беречь.

Все учителя с детьми посещали храм. Особенно я любила Страстной Четверг и спешила на 12 Евангелей с красивым фонариком в центре со свечой. Я так внимала всему, что происходило в храме, что не почувствовала, как у меня однажды из кос выплели красивые розовые ленты. Какие же чудесные были православные праздники: рождество, новый год, крещение, масленица, пасха и весенний ледоход на реке Самаре. Всё это остаётся в памяти на всю жизнь». Мама так интересно о них рассказывала, и под эти рассказы мы засыпали.

«К Рождеству привозили 15 ёлок для каждой учительской семьи и одну огромную для Зоологического музея, где проходил главный праздник. Помню, как я танцевала в костюме стрекозы с девочкой и мы пели:

*Где гнутся над омутом лозы, / И летнее солнце печёт,
Летают и пляшут стрекозы, / Весёлый ведут хоровод.
“Дитя, подойди к нам поближе, / Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же, / Пока не проснулася мать!
Под нами трепещут былинки, / Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки, / А крылышки — точно стекло.
Мы песенку знаем так много, / Мы так тебя любим давно.
Смотри, какой берег отлогий, / Какое песчаное дно”.*

Был ужин для детей и родителей, а затем раздавали подарки.

В нашем маленьком городке Новомосковске не было мощёных мостовых, и от угла до угла на целый квартал при выходе из ворот после дождя тянулась глубокая лужа, которая летом заменяла пруд. К нему спешила вся плавающая домашняя птица и детвора с самодельными корабликами. Зимой наша лужа превращалась в каток. Выходили вечерами все жители нашей учительской колонии и приводили всё в порядок. На протяжении катка вдоль аллеи на деревьях вешали светильники. При советской власти уже было электричество. Каток заполнялся народом, все были нарядно одеты. Братья учили меня кататься на коньках. Как красиво танцевали на льду мама с папой! Какое же это было счастливое время! Мы были все вместе. Они так и остались в моей памяти, молодые, влюблённые и красивые».

Шла война... Каждый день умирали люди, но жизнь продолжалась. На нашей улице повесили объявление, что детей приглашают в Дом Творчества. Там мы учили стихи, делали сувениры и писали письма на фронт нашим солдатам. На конвертах стояли наши имена и фамилии, и мы с нетерпением ждали ответ. Кто-то получал письмо, а кто-то нет... Но нас всегда успокаивали и говорили, что письма идут долго, но никто не говорил о смерти, хотя все о ней думали.

Мама заболела, у неё высокая температура. Была врач и сказала, что больницы переполнены. Оставила таблетки и объяснила, как их принимать. Просила меня, если будет хуже, прийти в больницу. На бумажке она написала номер кабинета. В доме холодно. Я спала с мамой, чтобы её согреть. Я научилась разжигать буржуйку. Врач договорилась в детском саду, чтобы сестру подержали на пятидневке. Не помню, ели мы что-то или нет. Мама всё время что-то тихо говорит, но я не понимаю. Я кипятила чай и пыталась её поить. Я не помню, сколько она болела. Пришла врач и сказала, что у мамы был тиф в лёгкой форме, и она удивилась, что я не заболела. Хорошо, что дома не было сестры.

Помню, я принесла домой чудные картинки, вырезанные из книг. На них были изображены животные и птицы. Мама спросила, где я это взяла. Я ей сказала, что мы с ребятами вырезаем картинки на чердаке соседнего дома, и что там очень много книг. Мама расстроилась: «Как ты можешь? Кто-то ушёл на фронт, оставил свои книги, а вы, как воры, забрались в чужой дом и уничтожаете то, что человеку дорого. Он вернётся с войны, и что он увидит? И вообще, как можно калечить книги, кто тебя этому учил?».

Она оделась, побежала в контору и попросила повесить замок на чердачную дверь. А потом весь вечер рассказывала о библиотеке, что была у бабушки, и что книга для человека была самым дорогим подарком, и что, когда кончится война, мы с ней запишемся в библиотеку и будем много читать. У нас будет свой дом. Папа вернётся с фронта, и всё будет хорошо. Вы вырастаете, но никогда не забываете своё прошлое.

И она опять вспоминала бабушку и своё детство.

«Наступил 1917 год. У Шуры была назначена свадьба. Ещё одно важное событие: она подала документы в Художественный институт в Киеве и ждала ответа. Неожиданно её жениха — Золтана отзывают на родину. Он был венгерским офицером. Помню, как это было: 1 ноября выпал глубокий снег. Как всегда, кипел самовар на обеденном столе. Папа делал бутерброды и что-то весело напевал. Мне было тогда 4 года. Вдруг вбегают мама, бледная, в распахнутой шубе, с криком: “Шурочка со своей подружкой Тиной уехали за женихами”. Папа побледнел, выронил нож и рухнул на пол. У него случился удар. Проболеет он 4 месяца. После отъезда Шуры пришёл ответ из Киева, что она принята в институт. Через год, в 1918 году, забрали 16-летнего Мишу на фронт со всем классом. Этот день я тоже помню. Я была с мамой. Она схватила меня на руки и побежала со всеми, чтобы догнать детей, но через квартал остановилась в изнеможении, и другие женщины несли меня по очереди.

Шло время, но боль не утихала. Как-то папа за ужином сказал со слезами: “Знаете, мои дорогие, меня отъезд детей состарил на 10 лет”. Мама заплакала, за ней Володя и я.

В 1920 году начался голод. Папа тяжело заболел. Мы питались лепёшками из сухой травы курая, корой деревьев и картофельной шелухой, которую он получал за частные уроки. Украли Неру. Папа плакал, как ребёнок... Он так тосковал по ней.

Наконец, пришло первое письмо от Шуры из Сербии. Доехав до границы, они убедились, что встречи с любимыми ждать не стоит, т. к. их, видно, послали на фронт. Они стали сами пробираться через границу. Шура пишет: “Много пуль пролетело над моей головой, но ни одна меня не задела”. Она просила прощения у родителей и писала, что смех её раздастся только в стенах нашего старого дома.

Папа умер в 1924 году 29 мая, через несколько дней после своих именин. Перед смертью он слышал колокольный звон и всё время

Шура с Юзефом.

должалась до 1940 года. Прервалась после нашего выезда в Аккерман. Письма Шура пересылала своей подруге в Болгарию, а она отправляла нам. Так было безопасней, в 1940 году переписка прекратилась».

Наша жизнь была заполнена ожиданием новостей. В городе висели громкоговорители, и в определённое время собирался народ. Все с тревогой смотрели на чёрную тарелку. И вот незабываемый голос Левитана: «Говорит Москва... Сегодня после тяжёлых и продолжительных боёв освобождён город...». Все срывались с места, посторонние люди обнимались, плакали, целовались. Казалось, лучше этих слов нет ничего на свете. Понятия «Земля, Родина-Мать» были святыми для каждого. Люди жили и дышали вместе со страной. Я знала, что мы умрём, но никогда не покоримся врагу и не отдадим ему ни клочка нашей земли. Но мы победим, обязательно победим! Это знали и живые, и мёртвые. Вера в победу была так велика, что помогла нам выжить и победить. А тем, кто погиб, защищая Родину, вечная им святая и светлая память.

Возвращаясь в прошлое, я всегда вспоминаю, как мы с сестрой сидим у буржуйки. В комнате тепло. Мама даёт нам по кусочку хлеба. И от него мы отщипываем по малюсенькому кусочку, подносим к буржуйке и поджариваем его. Вдыхаем аромат и кладём этот кусочек в рот и долго держим. Это очень, очень вкусно. И так, кусочек за кусочком... И нам хорошо, и тепло, и с нами мама. И мы очень счастливые!

говорил: «Как красиво звучат колокола». Мама сидела возле него, и вдруг он очень громко сказал: «Как сильно звонит колокол!» — и после этих слов скончался. Похоронен папа в церковной ограде, у церкви Новомосковского кладбища».

— А что было дальше с Шурой? — спросила я.

«Переписка с Шурой про-